

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Рига Балсс

ГОЛОВНИК

№ 24

(713)

**ГАЗЕТА РИЖСКОГО ГОРКОМА КП ЛАТВИИ И
ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**

ПЯТНИЦА, 29 ЯНВАРЯ 1960 Г.

ЦЕНА 20 КОП.

Чеховская «Чайка»

в Академическом театре драмы

Академический театр драмы в ознаменование юбилея великого писателя поставил пьесу «Чайка», которую автор назвал комедией. Эта комедия, однако, своеобразна, комедия в чистом чеховском понимании этого слова. Как же театр понял пьесу, понял и сумел решить все творческие задачи, которые ставит она?

«Чайку» поставил режиссер Карл Памше. Под его руководством театральный коллектив работал с большим чувством ответственности и в основном справился со своей задачей. Прделана огромная работа, в результате которой создан эмоциональный впечатляющий спектакль, раскрывающий силу чеховской драматургии, достигающий глубокого художественного обобщения. Однако это не означает, что все замыслы получили достойное воплощение, что спектакль не вызывает возражений.

Театр понял, что в «Чайке», как и во всех пьесах Чехова, имеются два художественных плана. Первый план раскрывает сюжетные линии пьесы и выявляет одну из основных черт чеховского таланта — умение изображать жизнь именно такой, какая она есть. Эту нагрузку несут прежде всего четыре образа: Нина Заречная (Велта Лине), Константин Треплев (Юлий Бебриш), Ирина Аркадина (Лидия Фрейман) и Борис Тригорин (Жан Катлан).

Перед нами — два поколения. Старшее поколение представлено Аркадиной и Тригориним. Они добились славы, но их уже захватила рутинная жизнь. Треплев и Нина еще только мечтают о славе, о творчестве, о высоком искусстве, которое служит народу. Так же, как чайку неведомая сила влечет к озеру, так и Нину тянет к людям, к служению им. В последнем действии мы узнаем, что Нина про-

шла тяжелый путь страданий. Тригорин, которого она полюбила, бросил ее. У нее умер ребенок. Она играла в плохих ансамблях, и плохо играла. Случайный прохожий подстрелил чайку и бросил ее — вот параллель судьбе Нины.

А Тригорин вернулся к своим привычкам. Он давно помирился с Ириной Аркадиной. Ничто не изменилось в его жизни.

Таким образом, что касается внешнего сюжетного решения — это пьеса о подстреленной чайке.

Сценически решить лишь эту сюжетную линию означает упростить пьесу, более того — это означает игнорировать ее философскую сторону, уйти от основных проблем, волновавших великого драматурга. Кроме этой непосредственно сюжетной линии, в пьесе есть ведь второй план, который, в сочетании с внешним ходом событий, и раскрывает сущность пьесы. Этот второй план обычно при-

нято называть подтекстом, философской насыщенностью чеховской драматургии. Он заключает в себе целую концепцию о назначении человека, посвятившего себя искусству, о целях и сущности подлинного искусства, о его отношении к жизни. Мы видим, что Тригорин погряз в рутине. Треплев тоже не идет дальше Тригорина, даже тогда, когда к нему приходит слава. Он не находит для своего искусства высокой цели. А Нина, прошедшая через все испытания, при столкновении с действительностью все же выходит победительницей из борьбы. Она все-таки становится актрисой. Этот философский подтекст не проявляется непосредственно во взаимоотношениях героев. Он раскрывается через их переживания, через глубоко эмоциональные паузы. Пересекающиеся подтексты создают настроение. Настроения сплетаются в обобщения. Порою подтекст звучит выразительнее слов. Все это придает сюжетному материалу лиричность, эмоциональность, а всей пьесе — особую приподнятость и философскую глубину.

Театр драмы познал все это. Но одно дело понять, а другое — осуществить. Особенно ясно это видно, если проанализировать, какую роль играют остальные персонажи пьесы в судьбах и переживаниях четырех основных героев.

В пьесе действует также брат Ирины — Сорин (Ян Осис). Это старый, разбитый болезнью человек, которому жизнь не удалась. Есть тут и управляющий именем Сорина — поручик в отставке Шамраев (Харий Авен). Он деловит как управляющий, но живет воспоминаниями юности. Тут и его жена Полина (Эльза Радзинь), которая любит не мужа, а доктора Дорна. Тут и его дочь Маня (Хелена Романова), безответно влюбленная в молодого литератора Треплева. Тут и врач Дорн со своими глубокими размышлениями (Альфред Виденнек), и учитель Медведенко (Харальд Топсис), и некоторые эпизодические лица (Яков — Карл Озол, повар — Ян Метра, горничная — Анита Тамулен).

Все эти персонажи непосредственно почти не участвуют в развитии сюжета. Но они создают бытовой фон. Их переживания переплетаются с чувствами, переживаниями главных действующих лиц и образуют таким образом, общую эмоциональную ткань. Вот эту-то общую эмоциональную ткань театру воспроизвести и не удалось. Создается впечатление, что второстепенные действующие лица просто лишние.

Как бы мастераки актеры этой группы ни воспроизводили отдельные детали, они живут на сцене лишь при соприкосновении с другими героями. А этого мало. И сцена иногда «пустует», она не заполнена. Это наблюдается уже с самого начала пьесы. На сцене появляются Медведенко и Маня, а сцена по-прежнему «пуста». Входит Сорин, входит Треплев, но дело не меняется. Происходит завязка сюжета — и это все. Поэтому и появление Нины оказывается неподготовленным.

Чеховский подтекст сплошь и рядом не чувствуется и в тех ситуациях, где действуют персонажи, связанные с центральной сюжетной линией. Наиболее удачно проводит роль Ирины Лидия Фрейман. Велта Лине в роли Нины захватывает зрителя главным образом в последнем действии. Но ее «игра» в пьесе Треплева не передает огромной тоски, которую она испытывает. Недостаточно ясно разработан и доведен до зрителя мотив, почему она увлекается Тригориним. Любит ли она Тригорина только как автора рассказов, или же и как человека? В чем она заблуждается? Между тем именно к этой линии дает ключ Станиславский в своей работе «А. П. Чехов в Московском Художественном театре». И в конце пьесы Нина недостаточно раскрывается как победительница на величественном пути к настоящему искусству.

Жан Катлап в роли Тригорина тоже находит правильную линию главным образом только в последнем действии. До этого зритель не видит, что Тригорин уже давно сбился на трафарет, зашел в тупик. А ведь ему как художнику верит Нина в своей тоске по большому искусству.

С Бебришем обстоит дело как раз наоборот. В последнем действии его Треплев намного превосходит Тригорина. Он добивается успеха, он самозабвенно любит Нину. Создается впечатление, что он гибнет из-за несчастной любви. А где же тема о его творческой несостоятельности? Единственная фраза Дорна, которая указывает на это, звучит, как случайная реплика, сказанная между прочим.

Такие мысли вызывает спектакль, хотя и в нынешней своей постановке он производит глубокое впечатление. Чеховская драматургия таит в себе гораздо больше богатства, чем пока удалось раскрыть театру.

Но замечательно, что гений Чехова заговорил с нашей сцены. Его голос должен звучать все более выразительно и полнозвучно.

Арвид Григулис